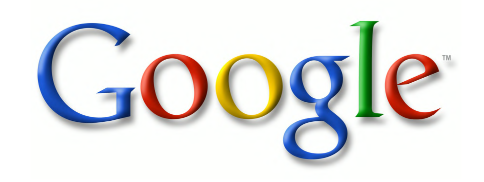

СКЛОНЕНІЕ ОСНОВЪ НА -У-

ВЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ.

А. Шлейхера.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XI ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1867.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.
Еггерса и Комп., въ С. П. Б.
Г. Шмицдорфа, въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.
Энфиаджянца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 25 коп.

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES

Schleicher, A.

СКЛОНЕНІЕ ОСНОВЪ НА -У-

ВЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ.

А. Шлейхера.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XI ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 3.

САНКТПЕТЕРБУРЪ, 1867.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.
Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
Г. Шмицдорфа, въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.
Энфианджянца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 25 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт петербургъ, 20 февраля 1867 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

СКЛОНЕНІЕ ОСНОВЪ НА -У- ВЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ.

А. Шлейхера.

(Представлено Академіи 13 декабря 1866 г.)

Слѣдующая статейка, о склоненіи основъ на *-у-* въ славянскихъ нарѣчіяхъ, извлечена изъ сравнительной грамматики славянскаго языка, которую я теперь пишу. Этотъ отрывокъ моего сочиненія покажетъ, какимъ образомъ я стараюсь исполнить эту трудную и обширную задачу. Общее расположеніе моей славянской грамматики будетъ до нѣкоторой степени похоже на компендіумъ сравнительной грамматики индогерманскихъ языковъ. Но само собою разумѣется, что сочиненіе о славянскихъ нарѣчіяхъ не дастъ однихъ результатовъ, какъ компендіумъ, а будетъ состоять по большей части изъ изслѣдованій.

Обстоятельство, что эта статья есть отрывокъ изъ большаго сочиненія, служитъ мнѣ оправданіемъ въ томъ, что въ ней находится не мало положеній безъ доказательствъ, которыя можно будетъ найти позже, въ самой книгѣ. Это особенно относится до формъ основнаго славянскаго языка, которыя я пытался вывести изъ имѣющихся формъ славянскихъ нарѣчій (сравни формы индогерманскаго праязыка въ компендіумѣ). Оправдать эти формы нельзя безъ ученія о звукахъ; но трактовать о звукахъ въ этой статейкѣ я не намѣренъ. Это слишкомъ увеличило бы ея объемъ.

О порядкѣ, въ которомъ здѣсь расположены отдѣльныя нарѣчія, я буду пространно говорить въ введеніи къ самому сочиненію. Тамъ также можно будетъ найти полный списокъ литературныхъ пособій и источниковъ, которыми я пользовался.

И такъ я долженъ просить благосклоннаго читателя не забывать при чтеніи этой статейки, что она только отрывокъ и что,

слѣдовательно, во многихъ отношеніяхъ еще нельзя судить о ней рѣшительно.

Фонетическое письмо русскихъ словъ и приведеніе тѣхъ же самыхъ словъ въ двухъ шрифтахъ, въ кирилловскомъ (или глаголическомъ) и въ латинскомъ или, лучше сказать, въ чешскомъ или югославянскомъ, было бы совершенно излишне въ этой статейкѣ, которая предполагаетъ читателей, знающихъ русскій языкъ. Другое дѣло въ книгѣ, писанной на нѣмецкомъ языкѣ и предназначенной не только для свѣдущихъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ, но и для такихъ читателей, которые желаютъ познакомиться съ славянскими звуками и формами.

Но обратимся къ предмету:

Извѣстно, что въ славянскихъ языкахъ формы основъ на *-у-* часто смѣшиваются съ формами основъ на *-а-*, т. е., что у основъ, которыя первоначально оканчиваются на *-у-*, находятся падежныя окончанія основъ на *-а-*, а у основъ, которыя первоначально оканчиваются на *-а-*, употребляются падежныя формы основъ на *-у-*. Ученая, объяснительная грамматика отыскиваетъ, къ которому изъ этихъ двухъ основныхъ классовъ принадлежатъ настоящія падежныя формы первоначально.

Хотя распознаваніе формъ основъ на *-у-* и основъ на *-а-* въ большинствѣ случаевъ не трудно, однако все-таки не мало формъ, принадлежащихъ къ основамъ на *-у-*, и которыя обыкновенно были принимаемы за формы основъ на *-а-*.

Не трудно узнать откуда произошла эта ошибка. Причиною ея служило предположеніе, что аналогія рѣдкихъ съ начала основъ на *-у-* не могла распространяться. Однакожъ, разсмотря предлежащія формы безъ предубѣжденія, найдемъ, что это предположеніе ложно. Точное изслѣдованіе падежныхъ формъ славянскихъ докажетъ: 1) что къ склоненію основъ на *-у-* принадлежитъ болѣе формъ нежели обыкновенно предполагается; 2) что въ самомъ дѣлѣ основы на *-у-* были источникомъ чрезвычайно далеко распространившейся аналогіи.

Нынѣшняя сравнительная грамматика, по моему мнѣнію, слишкомъ мало обращаетъ вниманія на аналогію. Поэтому особенно стоитъ наблюдать очень занимательный и поучительный примѣръ сильно дѣйствующей аналогіи, происшедшей изъ основъ на *-у-* въ славянскихъ нарѣчіяхъ.

И такъ не безполезно будетъ собирать всѣ падежныя формы славянскихъ нарѣчій, принадлежащія первоначально къ склоненію основъ на *-у-*. Мы найдемъ, что, хотя формы основъ на *-у-* и на *-а-* смѣшивались, однакожъ формы, принадлежащія основамъ на *-у-*, во всѣхъ падежахъ сохранились; поэтому можно будетъ составить полный образецъ склоненія основъ на *-у-* въ славянскомъ точно также, какъ и въ другихъ древнихъ языкахъ нашего племени.

Сравнивать родственные языки въ этой статейкѣ я не намѣренъ; въ этомъ отношеніи здѣсь будетъ приведено только то, что казалось необходимымъ. О сравненіи другихъ индогерманскихъ языковъ съ славянскимъ я писалъ въ компендіумѣ (второе изданіе, Веймаръ, 1866). Однакожъ не излишнимъ будетъ прежде всего замѣтить, что литовскій языкъ, близнецъ славянскаго, и въ употребленіи формъ основъ на *-у-* у основъ первоначально оканчивающихся на *-а-* (*-я-*), очень похожъ на славянскій (ср. кромѣ компендіума статейку І. Шмидта въ Beiträge, IV, стран. 257 и слѣд.).

Въ настоящемъ отрывкѣ будемъ прежде говорить о падежахъ порознь, а въ концѣ составимъ образецъ склоненія основъ на *-у-*.

Именительный единственнаго числа *).

Именительный ед. ч. основъ на *-у-* не можетъ различаться отъ того же падежа основъ на *-а-*, потому что и первобыт-

*) Кромѣ сокращеній общеупотребительныхъ въ предлагаемой статьѣ находятся еще слѣдующія: дрб. (древнеболгарскій), нб. (новоболгарскій), с. (сербскій), сл. (словенскій), р. (русскій), мр. (малороссійскій), п. (польскій), ч. (чешскій), дрч. (древнечешскій), нч. (новочешскій), слц. (словацкій), вс. (верхнесорабскій), нс. (нижнесорабскій), осл. (основной славянскій).

ное *u* *) и *a* въ славянскомъ языкѣ совпадаютъ въ одинъ звукъ (Комп. §§ 78, 82). Сродные языки доказываютъ, что напр. основы дрб. сꙑнъ-, медъ- суть дѣйствительныя основы на -*у*-, ср. литовскія sūnu-, medu-, готское sunu-, древне-нѣмецкое mëtu-, древнеиндійское sūnu-, madhu-, греческое μέθυ-. Именительный ед. ч. основы sunu- въ индогерманскомъ праязыкѣ былъ sunu-s. Въ славянскихъ языкахъ существуютъ слѣдующія формы: дрб. сꙑнъ, медъ; нб. безъ члена sin, med, съ членомъ sinŭ́-t, medŭ́-t, или sinó-t, medó-t (sinó, medó); въ другихъ нарѣчіяхъ конечный звукъ совсѣмъ исчезъ; с си̑н, ме̑д; сл. sîn, méd; р. сынъ, мёдъ; мр. sin, ḿid (это нарѣчіе я пишу фонетическимъ письмомъ и по этому латинскими буквами; знакъ ' значитъ смягченіе согласныхъ); п. syn, miód; ч. syn, med; вс. syn, ḿed; нс. syn, ḿod. Осл. формы по нашему были sūnǫ, medǫ (ǫ выражаетъ неясную гласную, въ родѣ англійскаго *u* въ but), что, конечно, здѣсь не будемъ доказывать.

Винительный ед. ч.

Форма винительнаго ед. ч. въ индогерманскомъ праязыкѣ sunu-m, лит. sū́nų, т. е. sū́nu-n (эта форма, можетъ быть, еще существуетъ въ нарѣчіяхъ), гот. sunu вмѣсто *sunu-n и т. д., въ славянскомъ языкѣ не могла различаться отъ формы именительнаго того же числа sunu-s, лит. sūnù-s, гот. sunu-s, по тому, что въ славянскомъ языкѣ всѣ крайнія согласныя исчезаютъ (Комп. § 183). Сюда не относится то обстоятельство, что въ существующихъ славянскихъ нарѣчіяхъ у существительныхъ одушевленныхъ вмѣсто винительнаго употребляется почти безъ исключенія родительный падежъ основъ на -*a*- (сына и т. д.). И такъ винительный ед. ч. основъ synŭ-, medŭ-: дрб. сꙑнъ, медъ; нб. sin, sinŭ́-t, sinó-t, также sinŭ mi, na sinŭ mi (моего сына; Миклош., ср. грамм. III, § 377, стр. 225), med,

*) Первобытныя формы и звуки здѣсь напечатаны латинскими буквами.

medŭ́-t, medó-t; с. ме̑д; сл. méd; р. мёдъ и т. д. Слѣдовательно мы предполагаемъ, что и въ славянскомъ основномъ языкѣ форма этого падежа совпадала съ формою именительнаго: sūnǫ, medǫ.

Именительный множественнаго числа.

Индог. праяз. sunavā-s, древне-инд. sūnáv-as, дрб. сꙑнов-є (о формахъ этого падежа на -и, принадлежащихъ къ основамъ на -*a*-, но встрѣчающихся и у основъ на -*y*-, напр. сꙑни, мы здѣсь говорить не будемъ). Это -овє отъ основъ на -*y*- часто переходитъ къ основамъ на -*a*- (влъковє и т. д.), и въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ это окончаніе -ove получило особенное значеніе (ср. Über -*v*- (-*ov*-, -*ev*-) vor den Casusendungen im Slawischen; Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu Wien, 1852 г., февраль; тамъ однакожъ происхожденіе этой формы объяснено не вѣрно). Нб. sinov-é; въ этомъ нарѣчіи встрѣчается и -ovi (напр. dě́dovi), т. е. древняя форма измѣнилась по аналогіи основъ на -*a*-, у которыхъ, какъ извѣстно, именительный множ. ч. муж. рода оканчивается на -*u*-; с. сй̏нови, какъ и въ новоболгарскомъ; древняя форма синов-е сохранилась въ хорватскомъ нарѣчіи; въ сл. также, какъ и въ сербскомъ нарѣчіи: sinóvi, рѣже sinóv-e (Миклош. III, § 289); р. очень рѣдко и только въ народной словесности встрѣчается окончаніе -ове (Микл. III, § 610), напр. татарове (о формѣ сыновья, у которой только сынов- принадлежитъ къ основѣ на -*y*-, здѣсь мы толковать не будемъ); мр. sinov-e; въ этомъ нарѣчіи -ove употребляется чаще нежели въ русскомъ; въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ -ove принадлежитъ къ числу любимыхъ окончаній; п. synow-ie; ч. synov-é (слц. -ovie, -ovia); вс. synov́e и, по большей части, synojo т. е. *synov-jo (*jo* = *je* = *e*); нижне-сорабское нарѣчіе утратило эту форму.

Какъ осл. форму мы по этому предполагаемъ sūnov-e.

Винительный множ. ч.

Въ винительномъ множ. ч. нѣтъ различія между формами основъ на *-у-* и основъ на *-а-*. Въ слѣдствіе звуковыхъ законовъ славянскаго языка первобытныя окончанія -u-ms и -a-ms (ср. гот. sunu-ns, vulfa-ns) слились въ одну форму, точно также, какъ въ именительномъ единственнаго числа первобытныя -u-s и -a-s и въ винительномъ ед. ч. -u-m (-u-n) и -a-m (-a-n). Какъ тамъ, такъ и здѣсь не надобно предполагать, что аналогія основъ на *-а-* перешла на основы на *-у-* или наоборотъ. Точно также, какъ напр. сънъ = sūnu-m, sūnu-s, а влъкъ = varka-m, vark-as, и въ винительномъ множ. ч. дрб. сыны = гот. sunu-ns, а влъкы = гот. vulfa-ns. И въ литовскомъ языкѣ въ этомъ падежѣ основы на *-у-* и на *-а-* не различаются: sūnùs, vilkùs. Формы на -овы, -евы, какъ и подобныя формы другихъ падежей, къ основамъ на *-у-*, *-ов-* прибавляютъ падежное окончаніе основъ на *-а-*; такія формы часто встрѣчаются и въ другихъ нарѣчіяхъ и отнюдь не только у первобытныхъ основъ на *-у-*, отъ которыхъ впрочемъ произошло это *-ов-*, *-ев-*. Въ новоболгарскомъ употребляется форма именительнаго и для винительнаго. Въ сербскомъ и словенскомъ нарѣчіяхъ аналогія тѣхъ формъ, которыя въ древнеболгарскомъ кончаются на -ѧ, здѣсь также вытѣснила древнее окончаніе ы (си̑не, sîne, т. е. *сынѧ *); си̏нове, sinóve, т. е. *сыновѧ) и такъ сербо-словенскія формы этого падежа сюда не принадлежатъ. Р. сыны, по формѣ винительный, но употребляемое какъ именительный мн. ч. (у одушевленныхъ, какъ извѣстно, въ русскомъ и западныхъ нарѣчіяхъ употребляется форма родительнаго въ значеніи винительнаго); мр. какъ и въ русскомъ, sini. П. domy (домъ основа на *-у-*; ср. род. един. ч. домоу, мѣстительн. ед. ч. домоу), *syny (ср. woły, iść w chłopy и т. п.; Małeckiego gram. jęz. polsk. § 136) не употребляется; вмѣсто вин. у именъ личныхъ

*) * значитъ неупотребительныя формы.

стоитъ род. въ значеніи винительнаго; ч. syny; вс. *syny, domy, и нс. *syny, domy; эта форма является только у неодушевленныхъ.

Именительный-винительный двойственнаго числа.

Въ древне-индійскомъ языкѣ sūnū (формы индогерманскаго праязыка для этого падежа нельзя вывести съ достовѣрностію), лит. sūnù. Этимъ формамъ вполнѣ соотвѣтствуютъ формы дрб. сꙑнꙑ, волꙑ, полꙑ; дрч. obrazy, zraky и др.; по этому въ дрч. форма основъ на *-у-* переносилась и на основы на *-а-*, что въ славянскихъ нарѣчіяхъ такъ часто случается и въ другихъ падежахъ. Изъ словенскаго нарѣчія Миклошичъ (III, § 276) приводитъ одинокую форму sinu. Кромѣ этого употребляется форма основъ на *-а-*. Въ основномъ славянскомъ языкѣ этотъ падежъ по приведеннымъ формамъ древне-болгарскаго, древне-чешскаго и словенскаго нарѣчій былъ sūnū.

Мѣстительный и дательный ед. ч.

Сравнительная грамматика индогерманскихъ языковъ доказываетъ, что почти всѣ формы дательнаго падежа нашего племени первоначально были не дательными, но мѣстительными формами. Такъ и у основъ на *-у-* въ славянскихъ языкахъ дательный и мѣстительный падежи на -ови, -овѣ и -оу должны быть формою мѣстительною; т. е. -ови, -овѣ и -оу соотвѣтствуютъ мѣстительному индогерманскаго праязыка sunav-i, др.-инд. sūnáv-i, гот. sunau, т. е. *sunavi (Комп. § 113, 3), а не дательному индог. праяз. sunav-ai, др.-инд. sunáv-ē. Полное *-и* не рѣдко сохраняется въ славянскомъ на концѣ словъ (ср. Комп. § 88, 3). Хотя формы на -ови, -овѣ въ нѣсколькихъ примѣрахъ сливаются съ формами на -оу, однакожъ окончанія -ови и -оу такъ различны, что нужно отдѣльно изслѣдовать и то и другое.

1. Формы на -ови, -овь.

Дрб. сынов-и; посредствомъ аналогіи эта форма перешла и на основы на -*а*-, напр. богови (др.-инд. основа bhaga-, др.-персид. baga-), мѫжеви и т. д. Въ значеніи нарѣчія находится и домови (οἴκαδε domum) и домовь, ср. доловь (κάτω deorsum), обыкновенно, по исчезновеніи конечнаго -ь, долоу. Здѣсь -и существуетъ подлѣ -ь, какъ напр. и въ цръкъви подлѣ цръкъвь, сѧ-ти подлѣ ко-ть. Въ сербскомъ нарѣчіи это окончаніе встрѣчается только въ днёви; сл. sinóvi и др. (-ovu по аналогіи многочисленныхъ формъ на -*и*), domov (Микл. III, § 276), domú, domó = домовь. Въ русскомъ сюда принадлежатъ только домой (οἴκαδε), долой (κάτω) изъ домовь, доловь. Въ мр. окончаніе -ovi встрѣчается не рѣдко: sinovi, końovi и konevi; dom̓iv, какъ и въ другихъ нарѣчіяхъ. Въ польскомъ -owi употребляется очень часто: synowi, koniowi и т. д.; формы domu (domum), dołu (deorsum; ср. сл. формы) доказываютъ, что -*u* = -ovi, изъ котораго оно произошло сокращеніемъ; ч. synovi, vlkovi, mužovi, дрч. muževi и т. д.; эта форма часто встрѣчается какъ дательная и мѣстительная у именъ муж. рода, если при нихъ нѣтъ прилагательнаго; дрч. domóv, dolóv, нч. domů, dolů черезъ отпаданіе -v = vĭ; вс. synovi и synoj, т. е. *synovĭ, устарѣли и сохранились только въ нарѣчіяхъ, ср. domoj; устарѣли и формы на -evi и -eji, т. е. -*evji; теперешняя форма дательнаго мужескихъ есть -ej — сокращеніе изъ -evi, -eji, слѣдовательно synej, dubej и т. п. Нс. synoj, т. е. *synovĭ (теперь по большей части synoju, черезъ прибавленіе окончанія -*u* къ древнѣйшей формѣ; ср. сл. -ovu); domoj, dołoj и здѣсь совпадаютъ съ synoj. Изъ этихъ формъ славянскихъ нарѣчій слѣдуетъ осл. sūnovi, domov-i въ качествѣ дательнаго падежа основъ на -*у*-.

2. Формы на -оу.

Уже приведенныя долоу, сл. domú, п. domu, dołu рядомъ съ доловь, домовь, домови доказываютъ, что окончаніе оу есть только сокращеніе древнѣйшаго -ови, -овь; слѣдовательно и формы мѣстительнаго и дательнаго падежей на -оу произошли отъ

основъ на *-у-* и отсюда въ слѣдствіе аналогіи перешли на основы на *-а-* мужескаго и средняго рода, у которыхъ -оу, какъ извѣстно, образуетъ дательный падежъ. У основъ на *-у-* на-противъ это окончаніе -оу свойственно мѣстительному падежу. Мы полагаемъ, что такимъ образомъ у основъ на *-у-* первобытный мѣстительный на -ąv-i раздѣлился уже въ основно-славянскомъ языкѣ на двѣ формы, изъ которыхъ одна, полнѣйшая, sūnov-i, служила для выраженія дательнаго, другая, сокращенная, sūnou, употреблялась какъ мѣстительный основъ на *-у-*. Позже и это -оу перешло въ этомъ значеніи въ дательный, и распространилось очень далеко. Дрб. мѣст. сынoу, домоу и друг.; дат. у всѣхъ основъ на *-а-* муж. и средн. рода: влъкоу, коню, краю, дѣлоу, полю, новоу, томоу (основа первобытно tasma-) и т. д. точно такъ, какъ и въ литовскомъ языкѣ súnui, vìlkui, dàlgiui, támui и т. д. И въ литовскомъ языкѣ особенно формы основъ на -ja- смѣшиваются съ формами основъ на -ju-, что и въ славянскомъ можно встрѣтить часто. Въ нб. удержалось нѣсколько такихъ дательныхъ у именъ личныхъ, рѣже у другихъ, напр. Stojany, bogu (Миклош. III, стр. 377). С. дательный мѣстительный сȉну, дȍму, вŷку, кȍњу, дјȅлу, пȍљу, кȍму и т. д.; сл., какъ и въ с., дат.-мѣст. sînu, volku, kónu, délu, polu (въ формахъ tatóvu, možévu и т. п. прибавляется это *-и* къ основамъ на -ov-, -ev-, происшедшимъ изъ аналогіи основъ на *-у-*; также точно нерѣдко образовались и другіе падежи). Въ русскомъ встрѣчается мѣстительный на *-у* только у извѣстныхъ словъ при предлогахъ, напр. въ саду, въ дому; дательный—какъ и въ другихъ нарѣчіяхъ: сыну, волку, коню, дѣлу, полю, тому и т. д. Въ мр. окончаніе *-и* употребляется послѣ гортанныхъ звуковъ и какъ мѣстительный: duchu и т. п.; какъ дательный такъ, какъ и въ другихъ нарѣчіяхъ: panu, koňu, ďiły, pořu, tomu. П. въ synu, domu, panu, отъ которыхъ двѣ первыя, какъ извѣстно, основы на *-у-*; далѣе послѣ гортанныхъ и мягкихъ согласныхъ какъ мѣстительный: w bogu, uchu, koniu, polu; дат. panu, koniu, dzieřu, komu и проч.

Ч. мѣстительный на *-u* у одушевленныхъ муж. рода и послѣ гортанныхъ согласныхъ: synu, panu, břehu, uchu; дат. дрч., нч. synu, vlku, дрч., слц. koňu, mužu, нч. koni, muži (i=ju), дрч., нч. dělu, дрч., слц. poľu, нч. poli, komu и т. д. Вс. мѣст. rohu, koňu, nožu, poľu, mořu; *-u* послѣ мягкихъ согласныхъ употребляется какъ окончаніе мѣстительнаго, но часто и у другихъ именъ муж. рода; дательный у муж. рѣдко оканчивается на *-u*, напр. bohu, času, duchu; у среднихъ, какъ и въ другихъ нарѣчіяхъ, dźěłu, mořu, poľu; нс. мѣстительный на *-u* послѣ гортанныхъ и шипящихъ: buku, mužu, kraľu, встрѣчается и synu; huchu, ḿesu, poľu.

Родительный ед. числа.

Древне-индійской формѣ sūnṓs, т. е. *sūnaus, гот. sunaus, лит. sūnaús, medaús вполнѣ соотвѣтствуетъ осл. sūnou, medou. И предлежащія формы славянскихъ нарѣчій подтверждаютъ, что такова была форма этого языка, изъ котораго онѣ произошли. Въ родительномъ ед. числа формы основъ на *-у-* и основъ на *-а-* муж. рода смѣшиваются такъ, какъ напр. въ мѣстительномъ. Первобытныя основы на *-а-* могутъ принимать окончаніе формъ на *-у-* и наоборотъ. Дрб. медоу, домоу (очень часто), колоу и др. Въ сербскомъ нарѣчіи я не нахожу такой формы, но въ сл. у односложныхъ часто встрѣчаются такія формы какъ sinú, medú (sinóva и здѣсь образовалось черезъ прибавленіе окончанія основъ на *-а-* къ основной формѣ на -ov- основъ на *-у-*). Въ русскомъ нарѣчіи, какъ извѣстно, окончаніе основъ на *-у-* получило особенное значеніе родительнаго количества, но и кромѣ этого эти формы на *-у-*, напр. мёду, дому, существуютъ, кажется, болѣе въ простонародной рѣчи нежели въ книжномъ языкѣ. Въ мр. эта форма обыкновенна у неодушевленныхъ муж. рода, medu, domu; подобно въ польскомъ ('powszechnéj reguły na to nie ma'; Małeck. грамм. § 124), miodu, domu, и въ чешскомъ, medu, domu;

въ древне-польскомъ и дрч. аналогія основъ на *-у-* еще болѣе ограничена. Въ вс. и нс. *-и* часто употребляется у односложныхъ неодушевленныхъ именъ, напр. вс. ḿedu, domu, нс. ḿodu, domu.

Родительный множ. числа.

Какъ греч. γλυκέϝ-ων и гот. suniv-ē, такъ и славянская форма родит. множ. числа основъ на *-у-* предполагаетъ первобытную форму sunav-ām, т. е. конечное *-и-* основъ предъ окончаніемъ падежа поднялось въ -av-. Форма этого падежа отъ основъ на *-у-* позже перешла въ славянскихъ нарѣчіяхъ не только на основы на *-а-* мужескаго рода, но отчасти и далѣе, такъ что это окончаніе въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ считается суффиксомъ падежа. Вотъ славянскія формы род. мн. ч. основъ на *-у-*: Осл. sūnov-ǫ; дрб. сꙑнов-ъ, волов-ъ, домов-ъ и пр. (о формахъ основъ на *-а-*, которыя находятся и у основъ на *-у-*, напр. сꙑнъ, мы здѣсь не говоримъ); въ хорватскомъ нарѣчіи, какъ въ дрб., волов, синов; въ с. нарѣчіи къ старой формѣ родительнаго прибавляется еще окончаніе мѣстительнаго основъ на *-а-*, т. е. -a, -ah; напр. синóв-â, sinóv-ah; вȍлôв-â, vȍlôv-ah=*сꙑнов-аχъ, *волов-аχъ; ср. русское -ахъ во всѣхъ родахъ; въ подрѣчіяхъ вмѣсто -ah встрѣчается и -ǔch, т. е. мѣст. мн. основъ на *-у-* (и -ī, -ih, т. е. -ѣχъ находится у существительныхъ муж. рода). Предъ этимъ новымъ окончаніемъ всѣ основы сохраняютъ ту форму, которую онѣ имѣли бы безъ него*); изъ этого слѣдуетъ, что эти формы образовались очень поздно, что, впрочемъ, можно уже видѣть изъ того, что хорватское подрѣчіе сербскаго нарѣчія до сихъ поръ сохраняетъ древнія формы род. множ. числа. Сл. sinóv, какъ въ дрб. и въ хорв.; это -ov здѣсь такъ распространилось, что образовались такія формы какъ možév-ov, ďnév-ov, которыя доказываютъ, что -ov принималось

---

*) Этимъ устраняются сомнѣнія Миклошича (III, § 424) о происхожденіи сербскихъ формъ родительнаго множ. числа посредствомъ окончанія мѣстительнаго.

за падежное окончаніе род. мн. ч. Въ русскомъ -овъ, -евъ сдѣлалось обыкновеннымъ окончаніемъ почти всѣхъ существительныхъ мужескаго рода: сыновъ (сыновей и подоб. еще прибавляютъ другое окончаніе -ей, которое распространилось черезъ аналогію отъ основъ на -*и*- (костей, людей), какъ -овъ, -евъ отъ тѣхъ на -*у*-), волковъ, краевъ и т. д., даже у извѣстныхъ словъ средняго рода употребляется это окончаніе, напр. жильевъ; мр. вообще какъ р.: siniv, voǐiv, paniv; въ другихъ нарѣчіяхъ siňiv, voľiv, paňiv, krajiv и др. Въ польскомъ -ów обыкновенное окончаніе не только у мужескихъ — synów, wołów, królow, krajów — но находятся и такія формы у основъ средняго рода, напр. chłopisków (им. ед. chłopisko); даже отъ женскихъ основъ есть примѣры: ćmów (вмѣсто ciem), им. ед. ćma (тьма), wszow (рядомъ съ wszy), им. ед. wesz (вьшь), основа на -і. Дрч. -óv, послѣ мягкихъ -ev, слц. -ov, нч. -ův (только въ книгахъ), -ů у муж. основъ на -*у*-, -*а*-, -*ja*- употребляется почти исключительно: synů, vlků, dubů, mužů, koňů и т. д. Въ вс. -овъ стало общимъ окончаніемъ родительнаго множественнаго числа; изъ формъ этого падежа у другихъ основъ сохранились только рѣдкіе остатки; synov, v́eľkov, mužov, słovov, poľov, ćeľatov, břemeňov, rybov, kosćov, maćerov, cyrkv́ov. Точно такъ и въ нс.: synov, vèľkov, mužov, słovov и т. д.

Обозрѣніе этой аналогіи, происшедшей отъ основъ на -*у*-, въ дрб. только что начинавшей дѣйствовать, распространяющейся постепенно болѣе и болѣе по нарѣчіямъ и достигнувшей наконецъ въ сорабскихъ нарѣчіяхъ почти исключительнаго господства, очень занимательно и поучительно.

Родительный-мѣстительный двойственнаго числа.

Окончаніе этого падежа въ древне-инд. языкѣ -ōs, т. е. *-aus совершенно сходствуетъ съ окончаніемъ славянскаго языка -оу, -*u*. Потому, что въ родительномъ множественнаго числа конечный звукъ основъ на -*у*- предъ окончаніемъ этого падежа -ъ,

-ŭ=*-ą, -ām явился въ поднятой формѣ -ov-, мы предполагаемъ, что этимъ образомъ, можетъ быть вслѣдствіе вліянія аналогіи родительнаго множ. числа, и образовался родительный двойственнаго числа. Слѣдовательно этотъ падежъ въ основномъ славянскомъ языкѣ былъ sūnov-ou изъ еще древнѣйшаго sūnav-aus. Эта форма въ дрб. сохранилась только въ двухъ примѣрахъ (Миклош. III, § 17, стр. 26): сꙑнов-оу, стлъпов-оу. Кромѣ этого основы на -*у*- слѣдуютъ аналогіи основъ на -*а*- (сꙑноу) какъ и въ нарѣчіяхъ с., сл., р., мр., п. и ч. Только въ сорабскихъ нарѣчіяхъ сохранилось окончаніе этого падежа основъ на -*у*-; въ нс. оно сдѣлалось общимъ окончаніемъ всѣхъ основъ, какъ -ov въ родит. множ. числа: synovu, veľkovu, słovovu, ryƀovu, kosćovu, žŕeƀetovu и т. д. Въ вс. еще столѣтіе тому назадъ употреблялось, какъ въ нс., synovu и т. д. (Миклош. III, § 902, стр. 518); теперь вмѣсто родит. двойств. числа употребляется родит. множ. числа.

Мѣстительный множ. числа.

Окончаніе мѣстительнаго множ. числа основъ на -*а*- есть дрб. -ѣ-хъ = древне-инд. -ē-šu, древне-бактрійскому -aē-šu, -aē-šva, греч. -οι-σι. Слѣдовательно окончаніе дрб. -ъ-хъ, обыкновенно -о-хъ, не можетъ быть окончаніемъ основъ на -*а*-, какъ думалъ до сихъ поръ я самъ и, кажется, Миклошичъ (III, § 4, стр. 6; § 6, стр. 13). Это окончаніе -ъхъ, -охъ безъ сомнѣнія принадлежитъ къ основамъ на -*у*-; дрб. сꙑнъ-хъ, сꙑно-хъ = др.-инд. sūnú-šu; -ъхъ = др.-инд. -ušu, древне-бактрійск. -ušu, -ušva, греч. -υ-σι. Что и въ этомъ падежѣ въ славянскомъ языкѣ формы основъ на -*у*- и на -*а*- смѣшиваются, о томъ нечего и говорить. За форму мѣст. множ. числа основнаго славянскаго языка мы должны предположить по звуковымъ законамъ sūnǫ-sǫ, domǫ-sǫ. Вотъ предлежащія формы этого падежа въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Дрб. домъ-хъ (Остром. ев.), по обыкновенію съ *о* = древн. ъ, домо-хъ, сꙑно-хъ, кра-

кхъ, т. е. *krajo-chŭ, *krajŭchŭ по звуковымъ законамъ. Эта форма мѣстительнаго множ. числа дала поводъ окончанію -ъихъ сложнаго склоненія прилагательныхъ, напр. новъихъ=*новъ-ихъ (ср. новъй, новъ-и) изъ *новъ(хъ) ихъ, т. е. novŭ(chŭ) jěchŭ. Это -охъ точно также какъ -ѣхъ прибавляется къ основамъ на -ов-, напр. часокохъ, часовѣхъ, подобнымъ же образомъ какъ и окончаніе другихъ падежей множ. числа. Въ с., сл. и р. нѣтъ примѣровъ; только въ малоросс. встрѣчаются рѣдкія формы какъ vołoch, końoch (Миклош. III, § 510, стр. 279). Въ древне-польскихъ памятникахъ напротивъ того часто встрѣчаются формы на -och: synoch, krajoch, konioch, и у именъ средняго рода: działoch, poloch; это окончаніе даже распространилось на основы на -*и*-: ludzioch, dnioch, kamenioch. Сюда принадлежитъ ч. -ech (e = ъ), слц. och: synech, dubech, слц. synoch, duboch, mužoch, ľuďoch (какъ въ п.); въ вс. встрѣчаются только одинокіе остатки этого окончанія: vołoch (волъ основа на -*у*-), końoch, ľudžoch; въ нс. это окончаніе исчезло также, какъ и въ р.

Творительный ед. числа.

Литовской формѣ sūnu-mì вполнѣ соотвѣтствуетъ дрб. сънъ-мь, позже сыномь. Формою осл. мы предполагаемъ sūnǫ-mĭ. Отъ основъ на -*у*- окончаніе этого падежа перешло на всѣ основы на -*а*- и -*ја*- муж. и средняго рода: влъкъ-мь влъко-мь, конк-мь, т. е. *konjo-mĭ изъ *konjŭ-mĭ, дѣлъ-мь, дѣло-мь, полк-мь, краимь=*краь-мь изъ *krajŭ-mĭ и крак-мь= *krajo-mĭ, *krajŭ-mĭ. Подобное преобладаніе формъ основъ на -*у*- мы уже встрѣтили въ дательномъ ед. числа, въ именительномъ и родительномъ множ. числа. Эта форма творительнаго ед. числа на -ъ-мь, -о-мь не можетъ принадлежать къ основамъ на -*а*-, какъ до сихъ поръ предполагалъ я и другіе. Творительный ед. числа основъ на -*а*- долженъ быть въ славянскомъ по звуковымъ законамъ этого языка напр. *влъкж = лит. vilkù, древне-

верхне-нѣм. wolfu, основная форма этого падежа varkā-mi (ср. Комп. § 269), точно также какъ въ 1-мъ лицѣ наст. врем. индог. праяз. vaghā-mi = слав. везѫ = лит. vežù; индог. праяз. bharā-mi = слав. берѫ = др.-верх.-нѣм. biru. Можно предполагать, что такая форма на -ѫ, напр. *влъкѫ была для Славянъ какъ-то неловкою и неясною (ср. винительный ед. числа женскаго рода основъ на -*а*-, женѫ и т. д.), и что по этому они предпочитали болѣе отличительную и понятную форму основъ на -*у*-. С. сйном, вýком, сèлом, пȍљем, даже пýтом и пýтем, кȁменом, тѐлетом. Точно такъ въ сл. sínom, grádom, móžom и možévom и móžem, dêłom, pótom и pótem, iménom, telétom; форма на -*am* (Метелко и Копитаръ въ своихъ грамматикахъ приводятъ всегда это окончаніе) соотвѣтствуютъ, кажется, дрб. формамъ на -ъмь, потому, что сл. *а*=дрб. ъ. Р. сыномъ, волкомъ, дѣломъ, мужемъ, полемъ, именемъ и т. д.; мр. sinom, panom, hajom, pol'om, konom и pol'em, konem; п. synem = сынъмь (п. *е* = дрб. ъ), wilkiem, dworem, koniem, dzielem, polem, imieniem, cielęciem, ч. synem= сынъ-мь (ч. *е* = ъ), vlkem, mužem, dílem, polem, lidem, kamenem, břemenem, teletem; слц. вездѣ -*om*: syňom, mužom, pol'om, l'ud'óm, bremeňom и т. д.; вс. -*om:* synom, v́el'kom, mužom, słovom, pol'om, ńeb́esom, žrěb́ećom; тоже -*om* въ нс.: synom и т. д.

Творительный множ. числа.

Древне-индійскому sūnú-bhis, литовскому sūnu-mìs по звуковымъ законамъ соотвѣтствуетъ дрб. сынъ-ми и т. д.; изъ этого слѣдуетъ, что осл. форма этого падежа была sūnǫ-mī. Форма этого падежа у основъ на -*а*- совершенно различна отъ формы основъ на -*у*-, потому что у основъ на -*а*- уже давно исчезла начальная согласная *bh*, въ славянскомъ и литовскомъ *m*, падежнаго суффикса -bhis, -mis; ср. напр. древне-инд. vṛkāis, древне.-бактр. vehrkāis, лит. vilkaís, дрб. влъкы (-ы изъ -ъ(м)и; ср.

Винительный множ. ч.

Въ винительномъ множ. ч. нѣтъ различія между формами основъ на *-у-* и основъ на *-а-*. Въ слѣдствіе звуковыхъ законовъ славянскаго языка первобытныя окончанія -u-ms и -a-ms (ср. гот. sunu-ns, vulfa-ns) слились въ одну форму, точно также, какъ въ именительномъ единственнаго числа первобытныя -u-s и -a-s и въ винительномъ ед. ч. -u-m (-u-n) и -a-m (-a-n). Какъ тамъ, такъ и здѣсь не надобно предполагать, что аналогія основъ на *-а-* перешла на основы на *-у-* или наоборотъ. Точно также, какъ напр. сынъ = sūnu-m, sūnu-s, а влъкъ = varka-m, vark-as, и въ винительномъ множ. ч. дрб. сыны = гот. sunu-ns, а влъкы = гот. vulfa-ns. И въ литовскомъ языкѣ въ этомъ падежѣ основы на *-у-* и на *-а-* не различаются: sūnùs, vilkùs. Формы на -овы, -евы, какъ и подобныя формы другихъ падежей, къ основамъ на *-у-*, *-ов-* прибавляютъ падежное окончаніе основъ на *-а-*; такія формы часто встрѣчаются и въ другихъ нарѣчіяхъ и отнюдь не только у первобытныхъ основъ на *-у-*, отъ которыхъ впрочемъ произошло это *-ов-*, *-ев-*. Въ новоболгарскомъ употребляется форма именительнаго и для винительнаго. Въ сербскомъ и словенскомъ нарѣчіяхъ аналогія тѣхъ формъ, которыя въ древнеболгарскомъ кончаются на -ѧ, здѣсь также вытѣснила древнее окончаніе ы (сȋне, sîne, т. е. *сынѧ *); сѝнове, sinóve, т. е. *сыновѧ) и такъ сербословенскія формы этого падежа сюда не принадлежатъ. Р. сыны, по формѣ винительный, но употребляемое какъ именительный мн. ч. (у одушевленныхъ, какъ извѣстно, въ русскомъ и западныхъ нарѣчіяхъ употребляется форма родительнаго въ значеніи винительнаго); мр. какъ и въ русскомъ, sini. П. domy (домъ основа на *-у-*; ср. род. един. ч. домоу, мѣстительн. ед. ч. домоу), *syny (ср. woły, iść w chłopy и т. п.; Małeckiego gram. jęz. polsk. § 136) не употребляется; вмѣсто вин. у именъ личныхъ

*) * значитъ неупотребительныя формы.

стоитъ род. въ значеніи винительнаго; ч. syny; вс. *syny, domy, и нс. *syny, domy; эта форма является только у неодушевленныхъ.

Именительный-винительный двойственнаго числа.

Въ древне-индійскомъ языкѣ sūnū́ (формы индогерманскаго праязыка для этого падежа нельзя вывести съ достовѣрностію), лит. sūnù. Этимъ формамъ вполнѣ соотвѣтствуютъ формы дрб. сꙑнꙑ, волꙑ, полꙑ; дрч. obrazy, zraky и др.; по этому въ дрч. форма основъ на *-у-* переносилась и на основы на *-а-*, что въ славянскихъ нарѣчіяхъ такъ часто случается и въ другихъ падежахъ. Изъ словенскаго нарѣчія Миклошичъ (III, § 276) приводитъ одинокую форму sinu. Кромѣ этого употребляется форма основъ на *-а-*. Въ основномъ славянскомъ языкѣ этотъ падежъ по приведеннымъ формамъ древне-болгарскаго, древне-чешскаго и словенскаго нарѣчій былъ sūnū.

Мѣстительный и дательный ед. ч.

Сравнительная грамматика индогерманскихъ языковъ доказываетъ, что почти всѣ формы дательнаго падежа нашего племени первоначально были не дательными, но мѣстительными формами. Такъ и у основъ на *-у-* въ славянскихъ языкахъ дательный и мѣстительный падежи на -ови, -ова и -оу должны быть формою мѣстительною; т. е. -ови, -ова и -оу соотвѣтствуютъ мѣстительному индогерманскаго праязыка sunav-i, др.-инд. sūnáv-i, гот. sunau, т. е. *sunavi (Комп. § 113, 3), а не дательному индог. праяз. sunav-ai, др.-инд. sunáv-ē. Полное *-и* не рѣдко сохраняется въ славянскомъ на концѣ словъ (ср. Комп. § 88, 3). Хотя формы на -ови, -ова въ нѣсколькихъ примѣрахъ сливаются съ формами на -оу, однакожъ окончанія -ови и -оу такъ различны, что нужно отдѣльно изслѣдовать и то и другое.

вс. сохранилось только voło-m (Pfuhl Laut- und Formenlehre der oberlausitzisch-wendischen Sprache, Bautzen 1866, § 37)= *волъ-мъ, воло-мъ; за исключеніемъ этого примѣра вездѣ встрѣчается окончаніе *-ат* (какъ и въ русскомъ), которое и въ нс. вытѣснило древнѣйшія окончанія почти безъ слѣда.

Дательный-творительный двойств. числа.

И здѣсь основы на *-у-* и основы на *-а-* должны совпадать точно такъ, какъ и въ дательномъ множественнаго числа. Формы этого падежа въ индогерманскомъ праязыкѣ напр. sunu-bhjāms, древне-инд. sūnú-bhjām, литов. sūnù-m, осл. sūnǫ-mja (Комп. § 262), дрб. сꙑнъ-ма, волъ-ма, полъ-ма (полъ основа на *-у-*; ср. родит. ед. ч. полоу, мѣст. ед. ч. полоу, имен.-вин. двойств. ч. полꙑ; Миклош. въ словарѣ и въ сравн. грамм. III, § 8), обыкновенно сꙑно-ма (о = ъ какъ часто). Въ с. суффиксъ *-ма* употребляется, какъ выше сказано, въ значеніи дательнаго множественнаго числа; сл. síno-ma, sína-ma (sinóvo-ma, sinóva-ma; ср. дат. множ. ч. и творит. того же ч.). Въ р. этого падежа нѣтъ; въ мр. формы какъ vercho-ma (Миклош. III, § 510, стр. 279) встрѣчаются рѣдко (врьхъ основа на *-у-*; ср. род. и мѣст. ед. ч. врьхоу, имен. множ. врьхове рядомъ съ формами этихъ падежей по аналогіи основъ на *-а-*; лит. осн. virszu-). Только древне-польскій и простонародный польскій языкъ (Миклош. III, § 797) сохранили этотъ падежъ: laso-ma, groszo-ma, zakono-ma и др.; по этому въ древне-польскомъ нарѣчіи можно предполагать и syno-ma; дрч. syno-ma; вс. syno-maj (и именительный двойственнаго числа здѣсь кончается на *-aj* вмѣсто *-a*); нс. syno-ma (здѣсь сохранилось древнее окончаніе *-ma*).

Звательный ед. числа.

Древне-индійскому sūnō, лат. sūnaú, bróliau (основа brōlia- и brōliu-), гот. sunau вполнѣ соотвѣтствуетъ осл. sūnou, которое мы должны вывести изъ предлежащихъ формъ. Вотъ онѣ. Дрб. сꙑноу (рѣже сꙑне по аналогіи основъ на *-а-*) какъ и въ литовскомъ языкѣ употребляется звательный на -оу

особенно послѣ мягкихъ согласныхъ, т. е. послѣ первобытнаго *j*, напр. мѫжоу, покою; въ с. только у послѣднихъ: ко̏њу; въ сл. звательный почти исчезъ; въ р. форма сыну встрѣчается только въ народной пѣсни: «потерять тебѣ, сыну, буйну голову» (Миклош. III, § 602 изъ Сахарова, Сказанія Русскаго народа, Спб. 1841—1849); мр. sinu, ďidu (и sine, ďide) и пр., особенно при гортанныхъ согласныхъ: čeŀov́iku, voŀku, śńihu, strijku; при мягкихъ звукахъ какъ и въ дрб.: końu. Въ п. очень часто: synu, dziadu; при гортанныхъ: synku, duchu (дрп. dusze); при мягкихъ: koniu, kraju; аналогія этихъ формъ распространялась даже на имена женскія: Marynku, Kasiu, rybciu, ciotuniu; ч. synu; при гортанныхъ: hochu, duchu; при мягкихъ: дрч., слц. mužu, нч. muži (нч. *i* послѣ мягкихъ согласн. = *u*). Въ вс. въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ дрб., мр., п. и ч. употребляется звательный на -оу-, -*u*, встрѣчается зват. на -*o*, напр. syno, roho, ducho, bruko, nožo, krajo; и vozo, časo, daro, Jano, и др. Потому, что ни въ этомъ нарѣчіи ни въ какомъ либо другомъ о = оу не встрѣчается, я еще сомнѣваюсь, чтобы эти формы звательнаго на -*o* совершенно соотвѣтствовали формамъ на -*у* другихъ нарѣчій, какъ предполагаетъ Миклошичъ (III, § 902, стр. 518) и Пфуль (§ 30); ср. и вс. božo = боже (*jo* = *je*). И въ нб. и п. есть звательные мужескихъ именъ на -*o*, о которыхъ я думаю, что они образовались посредствомъ вліянія другихъ аналогій. По этому высказаться рѣшительно о происхожденіи этихъ формъ звательнаго на -*o* въ вс. нарѣчіи я не въ состояніи. Что звательный вс. на -*o* произошелъ изъ формъ на -оу, -*u*, слѣдуетъ изъ того обстоятельства, что -*o* въ вс. встрѣчается тамъ, гдѣ -оу, -*u* въ другихъ нарѣчіяхъ; кажется, что вліяніемъ аналогіи такихъ формъ, какъ вс. božo, нс. kńežo — сходство обоихъ нарѣчій свидѣльствуетъ о древности этого окончанія — первобытное -*u*- измѣнилось въ -*o*. Въ нс. особой формы для звательнаго уже нѣтъ (только сохранились kńežo = кънѧже — *jo* = *je* — и kovale; оба примѣра сюда не принадлежатъ).